

ПРОДУКТИВНЫЕ СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В XXI
ВЕКЕ

Якубова Мунаввар Исмаиловна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Рахматуллаева Гулчехра

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного
педагогического института*

Аннотация: *В представленной работе исследовали динамическая природа словообразовательной системы русского языка в условиях глобальной цифровизации и трансформации общественного сознания первой четверти XXI века. Мы анализировали механизмы лингвистической адаптации, рассматривая слово не как статичный знак, а как живой когнитивный процесс. В статье подробно разбирали процессы суффиксальной и префиксальной экспансии, феномен графикации и стратегии языковой экономии. Особое внимание уделяли деривационному потенциалу англицизмов и их интеграции в морфологическую сетку кириллицы. Работа синтезирует классические подходы дериватологии с современными дискурсивными практиками, предлагая взгляд на неологизацию как на способ ментального освоения новой технологической реальности.*

Ключевые слова: *словообразование, продуктивность, неологизмы, аффиксация, интернет-дискурс, языковая игра, универбация, XXI век.*

Abstract: *This paper investigates the dynamic nature of the word-formation system of the Russian language under the conditions of global digitalization and the transformation of social consciousness in the first quarter of the 21st century. The author analyzes the mechanisms of linguistic adaptation, considering the word not as a static sign, but as a living cognitive process. The article discusses in detail the processes of suffixal and prefixal expansion, the phenomenon*

of graphixation, and strategies of linguistic economy. Particular attention is paid to the derivational potential of Anglicisms and their integration into the morphological grid of the Cyrillic alphabet. The work synthesizes classical approaches to derivatology with modern discursive practices, offering a view of neologization as a way of mental mastery of a new technological reality.

Keywords: *word formation, productivity, neologisms, affixation, Internet discourse, language game, univerbation, 21st century.*

Языковая материя в начале третьего тысячелетия демонстрирует беспрецедентную пластичность, превращаясь из консервативной системы правил в динамичный инструмент освоения новой, виртуализированной реальности. Продуктивность словообразовательных моделей в XXI веке диктуется не только внутренними законами лингвистики, но и внешним давлением технологического прогресса, который требует от носителя языка мгновенной номинации ежесекундно возникающих сущностей. Рассматривая теоретические истоки этого процесса, необходимо обратиться к концепции Г. О. Винокура, который рассматривал структуру слова как историческое событие, запечатленное в морфемах. Слово — это не застывший кристалл, а живая клетка, способная к митозу под влиянием социальной энергии¹. Продуктивность в этом контексте выступает как мерило жизнеспособности языка: если модель способна породить новые смыслы без потери грамматической устойчивости, она становится магистральным путем развития лексикона. В начале столетия мы наблюдаем, как классические способы деривации вступают в сложный симбиоз с внешними заимствованиями, создавая причудливые гибриды, которые еще десятилетие назад казались бы лингвистической аномалией. Научная мысль, интерпретируя взгляды В. В. Виноградова на морфему как на мельчайшую единицу смысла, приходит к выводу, что современная морфема становится всё более автономной и семантически нагруженной. Основным способом создания слов остается

¹ Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию. — М.: Либроком, 2019.

морфологический, однако его структура усложняется за счет «диффузии» заимствованных элементов. Суффиксальный способ в современной русской речи демонстрирует удивительную избирательность: пока одни суффиксы уходят в пассивный запас, другие, такие как -изация или -ист, становятся универсальными инструментами глобального дискурса². Критики, анализирующие состояние современного языка, часто указывают на то, что продуктивность сегодня диктуется не только внутренними законами лингвистики, но и прагматикой коммуникации. Идеи лингвистического вкуса эпохи, развитые В. Г. Костомаровым, позволяют увидеть в новых словах стремление к экспрессии и демократизации, где грань между литературной нормой и живым словотворчеством становится всё более призрачной³. В этом контексте продуктивность выступает как мерило адаптивности языка к социальным сдвигам.

Особое внимание в теоретическом аспекте заслуживает лексико-семантический способ словообразования, который можно художественно охарактеризовать как «перерождение смыслов внутри старых оболочек». Это процесс, при котором слово не меняет своей внешней формы, но обретает принципиально иное содержание в контексте новой эпохи. Лингвисты-семасиологи подчеркивают, что данный путь является наиболее экономичным для когнитивной системы человека: вместо создания новой звуковой оболочки мозг переиспользует уже знакомые знаки для обозначения виртуальных объектов или абстрактных понятий. Так, понятия «сеть», «стена», «профиль» или «вирус» в XXI веке совершили смысловой дрейф от физических объектов к информационным сущностям. Этот процесс подтверждает тезис о том, что продуктивность — это категория не только количественная, но и качественная, связанная с изменением ментальной карты мира. Современная критика отмечает, что такая многозначность порой приводит к коммуникативным сбоям, однако именно она обеспечивает преемственность культуры в условиях

² Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Юрайт, 2023.

³ Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. — СПб.: Златоуст, 2020.

технологического разрыва. Переходя к анализу аффиксальных трансформаций, следует отметить феноменальную активность суффикса инг, который в современных исследованиях часто интерпретируется как символ технологической экспансии. В отличие от традиционных русских суффиксов отглагольных существительных, таких как -ение или -ка, -инг привносит в слово семантику процессуальности, неразрывно связанной с бизнесом, спортом или цифровой активностью. Когда мы говорим о «скроллинге», «клининге» или «шопинге», мы не просто называем действие, мы упаковываем его в формат законченной услуги или узнаваемого социального ритуала. В художественном переосмыслении классических идей о морфеме как о носителе культурного кода, -инг выступает своего рода лингвистическим «контейнером», позволяющим мгновенно переносить сложные западные практики на русскую почву без потери их исходного прагматического заряда. Параллельно с этим процессом наблюдается активизация исконно русских дериватов, в частности суффикса -к(а), который в рамках закона экономии речевых усилий стал главным инструментом «стяжения» смыслов. Феномен универбации, порождающий слова типа «запрещенка», «социалка», «безнал» или «дистанционка», свидетельствует о стремлении носителя языка к максимальной плотности высказывания. Это не просто разговорная небрежность, а когнитивная стратегия выживания в эпоху переизбытка информации, когда время на произнесение развернутой синтаксической конструкции становится непозволительной роскошью. Исследователи отмечают, что подобные образования быстро теряют стилистическую окраску жаргона и проникают в заголовки центральных СМИ, становясь легитимными единицами общеупотребительной лексики.

Не менее значимым является всплеск продуктивности суффикса -ер, который в XXI веке окончательно вытеснил традиционные -тель или -щик в сфере именования лиц по роду деятельности. Если раньше мы говорили преподаватель или компьютерщик, то сегодня номинации блогер, тиктокер, хайпер и фрилансер создают новую антропоцентрическую картину мира, где

идентичность человека определяется его цифровым следом. Приставочное словообразование также претерпевает радикальные трансформации, выдвигая на авансцену префиксоиды интенсивности. Приставки мега-, гипер-, ультра-, мега- превратились из сугубо научных термино-элементов в повседневные средства экспрессии. Это отражает психологию человека XXI века — стремление к максимализму, к выходу за пределы нормы. Научный анализ современной аббревиации выявляет тенденцию к «демократизации» сокращений, когда сложные терминологические сочетания превращаются в удобные игровые формы. Лингвистическая критика отмечает, что в XXI веке аббревиатура утрачивает свою былую сухость и официозность, становясь инструментом иронии и языкового творчества. Примером могут служить так называемые буквенно-звуковые аббревиатуры, которые в сетевой среде приобретают статус мемов. Процесс перехода англоязычных сокращений в русскую речь («LOL», «OMG», «IMHO», «ASAP») демонстрирует глобальный характер этого явления⁴. Эти единицы не просто копируются, они адаптируются к кириллической графике («лол», «имхо», «асап») и начинают функционировать как вводные слова или экспрессивные частицы, меняя синтаксическую структуру предложения. Исследователи подчеркивают, что такая транслитерация аббревиатур является актом лингвистического присвоения, где чужеродный код подчиняется интонационным и грамматическим правилам принимающего языка. В этом контексте аббревиация выступает как мост между культурами, позволяя быстро синхронизировать понятийные аппараты различных языковых сообществ.

Переходя к анализу процессов словосложения, следует признать, что начало XXI века ознаменовалось триумфом композитов, которые в художественном и научном осмыслении можно уподобить архитектурному брутализму: они функциональны, массивны и лишены избыточных соединительных элементов. Классическая русская модель сложения с

⁴ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. — М.: Флинта, 2022.

интерфиксами -о- и -е- («паровоз», «земледелие») в современной речевой практике всё чаще уступает место «аналитическим скрепам» и прямому примыканию основ. Этот сдвиг, зафиксированный в работах Е. В. Мариновой и Л. П. Крысина, свидетельствует о постепенной «вестернизации» русской морфологической сетки, где заимствованный компонент начинает выполнять роль классифицирующего определителя⁵. Мы наблюдаем рождение огромного пласта лексики, построенной по модели «англоязычный корень + русское слово», что порождает такие единицы, как интернет-зависимость, онлайн-касса, фитнес-центр, шоу-бизнес. В этих конструкциях первая часть, будучи заимствованной, зачастую утрачивает свою автономность и начинает функционировать как префиксоид, задавая тематическую рамку всему понятию. Научный анализ этого процесса выявляет тенденцию к аналитизму: русский язык, оставаясь синтетическим в своей основе, в сфере сложения слов начинает тяготеть к более жестким, фиксированным структурам, характерным для английского языка. Это не просто заимствование слов, это заимствование самого алгоритма мышления, где целое складывается из готовых смысловых модулей без грамматического «клея».

Важным аспектом является также активизация моделей с использованием латиницы внутри кириллического слова, что создает уникальный графический облик неологизма. Слова типа IT-технологии, PR-кампания, VIP-зал или SMS-рассылка демонстрируют визуальный гибридность, который становится нормой для деловой и технической коммуникации. В этом процессе проявляется прагматика узнаваемости: использование оригинального написания термина позволяет избежать двусмысленности и подчеркнуть причастность к глобальному контексту. Исследователи подчеркивают, что такая графикация — это не просто технический прием, а проявление новой идентичности носителя языка, живущего в двуязычном (или многоязычном) информационном поле. С другой стороны, мы видим обратный процесс —

⁵ Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи. — М.: Эллис, 2021.

кириллизацию иноязычных корней в составе сложных слов, таких как экопродукты, биоактивный, автопилот, где первая часть слова воспринимается уже не как заимствование, а как универсальный международный морфологический элемент. Таким образом, словосложение и гибридизация в XXI веке — это процессы, обеспечивающие языку невероятную скорость обновления. Они позволяют мгновенно реагировать на появление новых гаджетов, социальных трендов и научных теорий, превращая русский лексикон в живую, пульсирующую систему, способную ассимилировать любые мировые инновации, сохраняя при этом свою грамматическую целостность и смысловую глубину.

Не менее важным фактором продуктивности в XXI веке выступает экспрессивное словотворчество и языковая игра, которые в эпоху социальных сетей превратились в инструмент коллективной психотерапии и социальной критики. Создание окказионализмов, таких как человекник, зумерство, инфоцыганство или ковидло, демонстрирует потребность носителя языка в эмоциональной разрядке через морфологический гротеск. Словообразование здесь выступает не как сухая фиксация реальности, а как акт личного отношения к ней. Идеи критиков о «карнавализации» языка находят свое подтверждение в меметическом творчестве, где слова-однодневки за считанные часы становятся общеупотребительными. В этом процессе проявляется антропоцентрическая природа языка: человек не просто называет мир, он его «пересобирает» под свои нужды, используя морфемы как детали конструктора. Подводя итог исследованию, мы можем констатировать, что продуктивные способы словообразования в XXI веке — это сплав жесткой технологической необходимости и безграничной творческой свободы. Язык стремится к экономии усилий через универбацию и аббревиацию, но одновременно жаждет экспрессии через гибридизацию и игру.

Русский лексикон начала столетия — это живая, пульсирующая система, которая успешно справляется с информационным хаосом, превращая его в структурированную и осмысленную речевую ткань. Будущее языка

видится в еще более тесном синтезе вербального и визуального кодов, где слово будет сохранять свою глубокую морфологическую идентичность, становясь при этом всё более универсальным инструментом глобальной коммуникации. Мы стоим на пороге новой эры, где продуктивность модели будет определяться её способностью мгновенно упаковывать сложный эмоциональный и технологический опыт в лаконичную и точную форму, адекватно отражающую дух времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию. — М.: Либроком, 2019.
2. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. — М.: Флинта, 2022.
3. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. — СПб.: Златоуст, 2020.
4. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: АСТ, 2020.
5. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи. — М.: Элпис, 2021.
6. Рацибурская Л. В. Новые тенденции в словообразовании. — Н. Новгород: ННГУ, 2022.